

А

Василий Андреевич Жуковский

"Радамист и Зенобия", трагедия в пяти действиях, в стихах, сочинение Кребильёна.

Перевел с французского С. Висковатов

Русские писатели о переводе: XVIII-XX вв. Под ред. Ю. Д. Левина и А. Ф. Федорова.
Л., "Советский писатель", 1960.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Переводить стихотворца может один только стихотворец.-- "Какая премудрость! -- воскликнет читатель.-- Конечно, хотите вы нам сказать, что Родев концерт может разыгрывать один только тот, кто умеет играть на скрипке? Благодарим за открытие!" -- Государи мои! нам надобно объясниться. Всякий скрипач охотно согласен будет, в удовольствие ваше, проскрипеть на скрипке своей Родев концерт, если вы возьмете на себя труд учтивым образом уговорить его на этот подвиг. Но я желаю знать, будете ли вы слушать этого виртуоза с тем восхищением, которое производила в вас Родева скрипка, одушевленная его дарованием? Чтоб заменить для вас Роде, надобно, если не ошибаюсь, иметь не одни беглые пальцы его, но вместе и его душу. Переводя стихотворца, весьма полезно присоединить к основательному понятию о рифмах богатых и бедных, о цезуре, о грамматике, о том языке, с которого переводишь, и еще о том, на который переводишь, и дарование стихотворное -- и чем оно ближе к дарованию образца, тем лучше для подражателя; но я позволяю себе думать, что оно непременно должно быть с ним одинаково.-- "А что называете вы дарованием стихотворным?" -- Способность воображать и чувствовать сильно, соединенную с способностью находить в языке своем такие выражения, которые соответствовали бы тому, что чувствуешь и воображаешь! Например: вам угодно обогатить русский язык превосходным стихотворением иностранным -- трагедиею, баснею, одою, поэмою. Прежде нежели вы решитесь на ужасное и невозвратное чернилопролитие -- исповедайтесь перед самим собою чистосердечно в благодетельном уверении, что бог парнасский вас слышит, что пред очами его никакая стихотворная совесть закрыта быть не может; спросите у себя: чувствую ли я в душе своей тот пламень, которым наполнена душа моего поэта, видимая в его сочинении? Могу ли с необыкновенною живостию, со всех сторон, со всеми оттенками, заметными для одного только стихотворного взора, представлять себе тот предмет, который в подлиннике моем изображен с таким превосходством? Чувствуешь, можешь, скажет вам совесть. Спросите в другой раз, в третий -- она повторит ответ свой. Тогда прибавьте еще несколько вопросов, менее важных -- однако важных: знаю ли я грамматику? знаком ли с хореями, ямбами и даже анапестами? имею ли разборчивое ухо, легко оскорбляемое скрипом и визгом проклятых от Аполлона слов? враг ли я бомбаста? {<bombast -- надутый, напыщенный стиль (англ.).>} противна ли мне галиматья, и прочее и прочее. И если ваша совесть опять не усумнится сказать, что вы, с одной стороны, имеете все вышеозначенные добродетели грамматические, синтаксические и просодические, а, с другой -- совершенно чисты от всякого попользования на галиматью, бомбаст и прочие смертные грехи стихотворцев,-- то вам останется только очинить перо, не пожалеть чернил, и я уверяю вас, что все патриоты, люди со вкусом, порадуются на вашего новорожденного младенца и вам от всей души пожелают прилежания и плодovitости. Скажу вам, если вы не знаете -- но вы без сомнения уже это знаете -- что переводчик стихотворца есть в некотором смысле сам творец оригинальный. Конечно, первая мысль, на которой основана здание стихотворное, и план этого здания принадлежат не ему -- и надобно признаться, что план -- великое, едва ли не главное дело, особливо в эпической поэме, трагедии, комедии, ибо от него зависит действие целого -- но, уступив это почетное преимущество оригинальному автору, переводчик остается творцом *выражения*, ибо для выражения имеет он уже собственные материалы, которыми пользоваться должен сам, без всякого руководства и без всякого пособия постороннего.-- "А выражения автора оригинального?" -- Их не найдет он в собственном своем языке; их должен он сотворить. А сотворить их может только тогда, когда, наполнившись идеалом, представляющимся ему в творении переводимого им поэта, преобразит его, так сказать, в создание собственного воображения; когда, руководствуемый автором оригинальным, повторит с начала до конца работу его гения -- но сия способность действовать одинаково с творческим гением не есть ли сама по себе уже творческая способность? Чтоб перевести искусно Лафонтеневу басню, необходимо надобно